

своём внутреннем мире — шаг на пути постижения другой, родственной по чувствам души. Эта «задушевность» не могла не привлечь широкого читателя. Не случайно пасторали были первыми «карманными» изданиями. Они не только успешно соперничали с неподъемными томами рыцарских романов, но и решительно оттеснили их на задний план.

Если в рыцарском романе герой движется в пространстве (писательство часто разрабатывает для него длиннейшие маршруты) и действует во времени, то в пасторали пространство утопично, условно и замкнуто, а время не движется. И хотя мечты пастухов и пастушек не выходят за пределы окрестных гор, они мечтают о личной духовной свободе и темпераментно отстаивают свое право на уединение. «Я родилась свободною, — говорит пастушка Марсела, — и, чтобы жить свободно, я избрала безлюдье долин: деревья, растущие на вершинах гор, — мои собеседники, прозрачные воды ручья — мои зеркала» (I, XIV). Неумное пастушеское свободолюбие, сколь бы декларативным и утопичным оно ни было, привлекало Сервантеса больше, нежели рыцарский автоматизм в совершении подвигов и благородных поступков. Хотя Дон Кихот (персонаж) и подражает Амадису, но в отличие от него является творцом (личность) рыцарского мифа, но не по жанровым законам, а из самой что ни на есть прозаической действительности, да еще и рассуждает о разных предметах и лицах, в том числе и об Амадисе, а следовательно, и о себе.

Главный герой романа — это этическая личность, поставленная в конкретные исторические условия. Самое ответственное в романе — не поступки Дон Кихота (этим он мало отличается от таких персонажей, как Амадис или Пальмерин), а личностная форма видения мира, характер восприятия и оценок окружающих людей, событий и собственных поступков.

Дон Кихот хочет поступать как персонаж рыцарских романов и уже поэтому предстает перед читателем как личность. Реальная среда разрушает его замыслы, обнажая драматическое несоответствие замышленного и действительного, содействуя тем самым формированию личности. Придав Дон Кихоту черты и свойства этического человека, Сервантес атакует рыцарский миф именно с этих позиций и одерживает победу над ним.

Сервантес строит свое повествование как «летописец», следующий луккиановскому принципу «не убавлять и не прибавлять к действительно бывшему». Но все же его «история» ближе, говоря грамматическим языком, к сослагательному наклонению, чем к изъявительному, поскольку художник (в отличие от историка) сам творит факты, конструирует ситуации, монтирует их последовательность, рассчитывая на восприятие их как «действительно бывших», независимо от того, правдоподобны они, фантастичны или даже нелепы.

Освобождение персонажа от узких рамок жанра находит у Сервантеса оригинальное, чисто литературное решение: автор позволяет Дон Кихоту свободно менять жанровые парадигмы. Дон Кихот по собственной воле сочиняет миф о своей принадлежности к рыцарскому ордену. Эта трансформация реального сеньора Киханы Доброго в идеального рыцаря происходит открыто, так сказать, на глазах у читателя: хромяя на четыре ноги кляча превращается в боевого коня, заурядная деревенская девица Альдонса — в «несравненную» Дульсинею Тобосскую, британский таз — в шлем, незатейливое имя Кихана — в звонкое Дон Кихот Ламанчский. Так же открыто вершится и разрушение мифа, и тогда все люди, и вещи, и события снова занимают свои реальные социальные ступени, места и обретают подлинную значимость. Показательно в этом смысле, что Дон Кихот — творец мифов и Санчо — их постоянный разрушитель — однажды меняются ролями. В главе десятой второй части Санчо, принимая на себя роль мифотворца, пытается убедить Дон Кихота, что идущие им навстречу крестьянки — это Дульсинея и две сопровождающие ее придворные дамы. «Тут и Дон Кихот опустил на колени рядом с Санчо